

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В «КРИМИНАЛЬНОЙ» ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Федотова Анна Александровна, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. К одним из ключевых понятий современного социально-гуманитарного знания относится уже ставшая классической категория национального характера. С начала XXI в. наметился устойчивый общественный и научный интерес к проблемам национальной самобытности и самоидентификации, к вопросам этнического менталитета. В эпоху глобализации возрастает актуальность их изучения: исследование проблем национального предотвращает всеобщую унификацию. В статье анализируется специфика русского национального характера на материале творчества Н.С. Лескова 1860-х гг., в частности его «криминального» рассказа «Засуха», который впервые был опубликован в 1862 г. в журнале «Век» под названием «Погасшее дело (Из записок моего деда)». Рассказ вписывается в значительное число ранних произведений Лескова, навеянных темой уголовной хроники и связанных со службой в Орловской палате уголовного суда. Используя современные методы текстового анализа, в том числе коммуникативно-прагматический метод, автор статьи приходит к выводу, что в качестве героев, на примере которых писатель демонстрирует принципиальные для него черты народной психологии, выступают крестьяне. Показательно, что при их изображении писатель подчеркивает, что национальный характер носит групповой, социальный, а не индивидуальный вид. В произведениях Лескова подобные ситуации довольно типичны и чаще всего связаны с моральным насилием массы над одиночкой. Используя вербальные, телесные и символические образы, Лесков демонстрирует, что причины негативных особенностей русского национального характера следует искать не в природных или биологических факторах, а в социальных причинах.

Ключевые слова: русский национальный характер, национальная самобытность, классическая литература, Н.С. Лесков, коммуникация, криминальный сюжет.

Для цитирования: Федотова А.А. Изображение национального характера в «криминальной» прозе Н.С. Лескова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 99–104. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-99-104>

Research Article

THE IMAGE OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE “CRIMINAL” PROSE OF NIKOLAI LESKOV

Anna A. Fedotova, Doctor of Philological Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. One of the key concepts of modern socio-humanitarian knowledge is the category of national character that has already become a classic. The early 21st century in Russia has seen a steady public and scientific interest in the problems of national identity and self-identification, in the issues of ethnic mentality. In the era of globalisation, topicality of their study is increasing – the study of the problems of the national prevents universal unification. The article analyses the specifics of the Russian national character based on the material of Nikolai Leskov’s work of the 1860s, in particular his “criminal” story “The Drought”. The story was first published in 1862 in the magazine “Century” under the title “The Extinguished case (From my grandfather’s notes)”. The story fits into a significant number of Nikolai Leskov’s early works, inspired by the theme of the criminal chronicle and, of course, related to service in Oryol city Chamber of the Criminal Court. Using modern methods of text analysis, including the communicative-pragmatic method, the author of the article comes to the conclusion that peasants act as heroes, by the example of which the writer demonstrates the fundamental features of folkish psychology for him. It is significant that when depicting them, the writer emphasises that the national character has a group, social, rather than individual appearance. In Nikolai Leskov’s works, such situations are quite typical and are most often associated with the moral violence of the masses over a loner. Using verbal, bodily and symbolic images, Nikolai Leskov demonstrates that the causes of the negative features of the Russian national character should be sought primarily in social causes rather than in natural or biological factors.

Keywords: Russian national character, national identity, 19th century classical literature, Nikolai Leskov, communication, criminal plot.

For citation: Fedotova A.A. The image of Russian national character in the “criminal” prose of Nikolai Leskov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 99–104 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-99-104>

Уже давно расхожей цитатой стало выражение русского литературного критика начала XX в., автора знаменитой книги «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год» Д.П. Святополка-Мирского о Лескове: «Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей», «который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть» [Святополк-Мирский: 28]. Эти слова во многом основаны на той литературной биографии, которую создавал вокруг себя сам Лесков. Окончивший за пять лет лишь два класса Орловской губернской гимназии, писатель уже с 16 лет начал свою рабочую жизнь. А профессии, которыми он занимался, постоянно сталкивали его с большим количеством самых разных людей. Служба в Орловской палате уголовного суда, в Киевской казенной палате, наконец, работа в коммерческой организации «Шкотт и Вилькенс», по воспоминаниям Лескова, привели к тому, что он «думал, что знал русского человека в самую его глубь» [Лесков 1996, 3: 207]. Писатель, подчеркнуто противопоставляя себя другим авторам-современникам, прежде всего, представителям натуральной школы, утверждал: «Я не изучал народа по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе» [Лесков 1996, 3: 207].

Приведенные слова Лескова – не точный литературоведческий факт, а позиция самого писателя, который привык говорить о себе с вызовом и выделять себя на фоне других. Тем не менее, возможность изучения его произведений с точки зрения изображения русского национального характера давно не подвергается сомнению. Правда, рассматривается она достаточно одноаспектно: с позиции типологии лесковских героев и преимущественно в контексте рассмотрения типа героя-праведника. Об этом факте, например, точно свидетельствует Н.В. Ангелова в работе «Русский национальный характер в трактовке Н.С. Лескова (к вопросу творческой эволюции писателя)» [Ангелова].

Изложенные аргументы демонстрируют важность комплексного исследования корпуса лесковских текстов относительно заявленной темы. Актуальность же подобного подхода очевидна. По мнению многочисленных исследователей, с начала XXI в. наметился устойчивый общественный и научный интерес к проблемам национальной самобытности и самоидентификации, к вопросам этнического менталитета и национального характера [Андреева], [Анисимова], [Лученецкая-Бурдина] [Мункуева, Серебрякова]. В контексте общей глобализации изучение этих и подобного рода проблем способно помочь сохранить национальную идентичность.

Среди близкого ряда терминов и понятий в качестве ведущего при написании данной статьи было выбрано понятие национального характера. Основная причина – его традиционный ореол и проработанность (в отличие от более современного и многозначного термина менталитет) и тот факт, что история изучения термина уходит корнями в XIX в., время писательского творчества Лескова. Безусловно, центром изучения понятия национального характера в те годы стала Германия с понятием «народного духа», введенным И. Гердером и оказавшим ключевое влияние на философию Г. Гегеля, а затем с так называемой германской «школой психологии народов» (1860-е гг., В. Вундт, Х. Штейнталь, М. Лацарус). Однако очень быстро и практически одновременно с Германией проблемы национального характера и всего русского стали затрагиваться и на отечественной почве в работах самого разного рода мыслителей от П.Я. Чаадаева и А.И. Герцена до А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, от братьев К.С. и И.С. Аксаковых и Н.Я. Данилевского до Ф.М. Достоевского и Н.Г. Чернышевского.

Современных исследований понятия национального характера множество. Изучаются история термина, способы функционирования понятия, вырабатываются теории и критерии сущности национальной психологии. В основном ученые сходятся в том, что под русским национальным характером следует понимать «устойчивую составляющую часть русской национальной психологии, которая представляет собой совокупность доминирующих черт и свойств в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении. Эти черты и свойства степенью выраженности, различным сочетанием, формами проявления определяют своеобразие русского национального характера» [Моисеева, Сороковикова: 49–50]. Кроме того, большинство исследователей подчеркивают, что национальный характер имеет групповое, а не индивидуальное выражение и ярко прослеживается в ходе межэтнической коммуникации. Эти теоретические установки и составят основу нашего небольшого практического исследования, посвященного тому, как понимается и изображается русский национальный характер у Лескова.

Материал для анализа мы берем малоизвестный и фактически не изученный – рассказ «Засуха» (об этом рассказе см. [Лукашевич]; [Федотова]). Впервые рассказ был опубликован в журнале «Век» под названием «Погасшее дело (Из записок моего деда)». Журнал в 1861–1862 гг. еженедельно выходил в Санкт-Петербурге под редакцией сначала Петра Исаевича Вейнберга, а затем Григория Захаровича Елисеева.

Лесковский рассказ был опубликован в одном из последних номеров журнала, в №12 от 25 марта 1862 г., а номер от 17 апреля стал для «Века» последним. По совпадению вскоре после публикации рассказа Лескова многие наиболее радикально настроенные члены артели вышли из нее (например, один из организаторов «Земли и воли» Николай Александрович Серно-Соловьевич, участник революционно-демократического движения Николай Васильевич Шелгунов, адвокат Константин Константинович Арсеньев), и из-за нехватки средств изданию пришлось прекратить свое существование.

Название «Засуха» Лесков дал рассказу позднее, в 1869 г., когда готовил текст для отдельного издания «Рассказы Стебницкого (Н.С. Лескова)» и объединил его для публикации с рассказом «Язвительный», определив им общий заголовок: «За что у нас хаживали в каторгу. Два рассказа».

В обоих случаях уже в названии писатель акцентировал криминальную составляющую сюжета: если в случае первой публикации «Погасшего дела» она давалась намеком (необходимые для автора читательские ассоциации формировались благодаря использованию слова «дело»), то при второй и последующих публикациях криминальный сюжет выходил из подтекста в прямое поле формирования смыслов благодаря подзаголовку («За что у нас хаживали в каторгу»). Рассказы тем самым вписываются в значительное число ранних произведений Лескова, навеянных темой уголовной хроники и, безусловно, связанных со службой в Орловской палате уголовного суда. Наибольшую известность из последних получил очерк «Леди Макбет Мценского уезда» (1864). Показательно, что в обоих случаях Лесков подчеркивал документальную основу своих произведений: в случае «Леди Макбет» жанровым определением – очерк, а в случае «Засухи» подзаголовком («Из записок моего деда») и эпиграфом: «Быль – не укор». Впрочем, в случае «Засухи» оба эти «фактографических» намека были при переиздании сняты.

Если сравнивать «Засуху» с очерком «Леди Макбет Мценского уезда», то можно отметить, что преступление, описанное в первом, не столь кроваво. В отличие от сложно закрученного сюжета «Леди Макбет», в центре «Засухи» – всего одно событие. Несмотря на то, что Лесков убрал те внесюжетные элементы текста, которые указывали на его документальность, установка на факт осталась. Начинается рассказ несколько неожиданно и со свойственным Лескову юмором в сочетании высокого (религиозной темы) и низкого: «Лет пятнадцать назад в одном селе умер от опоя приходский пономарь; и был похоронен на своем приходском кладбище. Как на грех, вскоре же после похорон этого опивицы настала засуха» [Лесков 1996, 1: 103]. Лесков отсылает читате-

ля в конец 1830-х – начало 1840-х гг. Писатель указывает на реально существующий факт: 1840 г. – время страшного голода из-за неурожая, которым были поражены Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Смоленская и ряд других губерний.

Вокруг смерти «опивицы» и закручивается криминальный сюжет: «захожий в село грамотей, не то солдат, не то коробейник» [Лесков 1996, 1: 103] объясняет крестьянам, что для окончания засухи необходимо вырыть тело «опивицы» с приходского кладбища. По законам Российской Империи это было строго наказуемое преступление: Уложение 1857 г. предусматривало за разрытие могилы для совершения суеверных действий телесные наказания и ссылку на поселение в Сибирь.

Попытке крестьян совершить это преступление и посвящена первая часть рассказа. Она представляет собой ряд сцен, в основе которых – диалоги между крестьянами и приходским священником отцом Илиодором, в ведомстве которого и находилось кладбище. Диалоги построены по принципу аффективных речевых жанров (по терминологии А.Д. Степанова [Степанов]): в них сталкиваются две речевые интенции: отец Илиодор пытается убедить крестьян отказаться от намерения вырыть тело, крестьяне в свою очередь стоят на своем. Показательна стилистическая организация первого диалога: «Священник вышел, крестьяне ему в ноги <...> – Да встаньте, – говорит он стоящим на коленях мужикам <...> Мужички, не вставая с колен, рассказали, что <...> заходил бывалый человек и вот то и то говорил, отчего дождя нет. Священник обрадовался <...> плюнул и назвал мужиков баранами, а бараны все знай стоят на коленях. – Вставайте же, шуты вы этакие! Крестьяне, вместо того, чтобы встать, толкнули друг дружку потихоньку локтями и, как по команде, опять все повалились в ноги священнику. – Батюшка! Ты сделай свою милость, ублаготвори!» [Лесков 1996, 1: 104–105]. Очевидны два основных принципа, с помощью которых Лесков передает столкновение двух интенций. Прежде всего, священник выступает в одиночку, а крестьяне – целой социальной группой. В произведениях Лескова подобные ситуации довольно типичны и чаще всего становятся знаком морального насилия массы над одиночкой. Достаточно вспомнить знаменитый эпизод пьянки с участием Артура Бенни из романа «Некуда». Также построен и диалог между священником и крестьянами. Скрытое сопротивление массы крестьян Лесков демонстрирует невербально, с помощью телесного знака, что, безусловно, создает достаточно сильный эффект. В эпизоде постоянно подчеркивается то, что крестьяне не встают с колен. При этом парадоксален сам выбор этого телесного «жеста». Коленопреклонение – традиционный знак уважения

и подчинения – оказывается символом сопротивления и непослушания.

Потерпев поражение в первом диалоге с крестьянами, отец Илиодор предпринимает еще одну попытку: собирает сходку. Изображение сходки строится Лесковым подобным диалогу образом: «Собрали <...> сходку. Вышел на эту сходку и священник. Крестьяне сняли шапки, тишина стала мертвая, а мужики все моргают, на небо поглядывают: не видать ли тучки, да губами чмокают, словно у них лишний зуб во рту: вытащить бы его, и сейчас все бы отлично стало. – Вас, ребята, злые люди смущают, – начал священник. Крестьяне молчат, опять только чмокают, побрякивают, да подувают себе в бороды. – Правда, смущают? – повторил священник. Опять молчание» [Лесков 1996 1: 106–107]. Очевидно сходство между двумя эпизодами: священник вновь выступает в одиночку против одноликой массы людей и пытается, прибегая к аффективному речевому жанру, убедить их отказаться от намерения вырыть тело. Однако довольно жалкие попытки отца Илиодора сталкиваются с телесным неподчинением. По сравнению с первым эпизодом, во втором усилена градация. Так как масса крестьян значительно возросла, все более явным становится и их скрытое сопротивление попыткам священника. Ярким контрастом к словам отца Илиодора выступает постоянное повторение лексемы «молчание», вплоть до фразеологизма «тишина стояла мертвая», который демонстрирует крайнюю степень отсутствия контакта между священником и его паствой. Эффект безмолвной толпы усиливается Лесковым благодаря выразительным деталям: писатель намеренно привлекает внимание читателя к тем органам чувств, которые отвечают за речь: «мужики губами чмокают, словно у них лишний зуб во рту», «крестьяне <...> опять только чмокают, побрякивают да подувают себе в бороды». Эти жесты в символическом плане рассказа означают полное закрытие крестьян, их неготовность к контакту, а, возможно, и неспособность к нему. В любом случае, картина, созданная Лесковым, удивляет своей мрачностью и подавленностью. В финале этого своеобразного «диалога» отцу Илиодору все-таки удается услышать несколько слов от крестьян, которые вновь звучат как итог поражения священника в диалоге с паствой: «Ублаговори <...> Изништожь пономаря с кладбища <...> А не хочешь, так и толковать больше нечего» [Лесков 1996, 1: 107]. Показательны повелительные наклонения глаголов, используемые в речи мужиков, и сделанные ими в безоговорочной форме резюме разговора: с помощью стиля Лесков вновь демонстрирует позицию силы большинства.

Во второй части очерка крестьяне все-таки вырывают тело пономаря с кладбища, дело открывается, и в третьей части очерка священник с одним

из мужиков едет в губернский город к хозяину крестьян для того, чтобы уладить дело. Договариваются они на том, чтобы крестьяне собрали крепостнику 1000 рублей, которую он якобы дает в городе в качестве взятки.

Незамысловатый сюжет рассказа на этом заканчивается. Однако Лесков добавляет тексту необычный финал. Последняя часть очерка вновь построена как диалог между священником и крестьянином. Но теперь они выступают один на один, и речевой жанр проповеди, который превалировал в первой части рассказа, превращается в исповедь:

– А я думал... – Крестьянин набожно перекрестился и снова проговорил: – Я думал...

– Что же ты думал, Ефим?

– Скажи ты, отец, как велик наш грех против Бога?

– Надругательство над мертвым, разумеется, скверно.

– А будет прощено?

– Молитесь Богу, чтоб простил вас.

У старика задрожали губы, <...> и послышалось несколько старческих всхлипываний, которых нельзя было отличить от всхлипываний двухлетнего ребенка.

– Бачка! – начал опять старик, не отнимая рукава от глаз. – А ведь мы не весь грех-то тебе сказали.

Священник обомлел.

– Ефим! – сказал он, придя в себя. – Что ж это вы со мною, скоты вы бесчувственные, делаете! Что же вы еще сделали?

Старик так и зарыдал навзрыд.

– Са... са... – лепечет, а далее рыдания ему мешали говорить, и он наконец едва произнес и то не своим, очень тоненьким голоском: – Мы с него сальца содрали. <...>

– Ах! дураки. На что ж было вам его сало?

– На свечку.

– На какую свечку?

– Да, тот, чтоб ему пусто было, прохожий-то не сказал, – старик отер глаза и начал говорить покойнее, – ссучите, говорит, из мертвого сала свечку да зажгите ее ночью на огороде, без этого, говорит, струмента нельзя [Лесков 1996: 1: 118–119]. Отвратительная подробность, в которой и заключался весь смысл совершенного крестьянами преступления, становится своеобразным пуантом рассказа, придавая ему жанровый привкус новеллы. Идея об изготовлении из сала мертвого пономаря свечи для того, чтобы пошел дождь, расставляет важные акценты в изображении героев из народа: за тупым упертым молчанием, которое демонстрировали герои в первой части рассказа, обнаруживается почти звериная жестокость и, что особенно важно в контексте религиозной проблематики «Засухи», суеверие.

Итак, рассмотрение рассказа Лескова «Засуха» с точки зрения изображения в нем русского нацио-

нального характера показывает, что в качестве героев, на примере которых писатель демонстрирует определенные черты народной психологии, выступают крестьяне. Писатель подчеркивает, что национальный характер носит групповой, социальный, а не индивидуальный вид. Воссозданные Лесковым черты русского национального характера, а русского человека, как мы помним, писатель «знал лучше и шире», чем многие другие отечественные писатели, в общем и целом производят обескураживающее впечатление. Тупое молчание, тяга к насилию, неспособность к внятному диалогу, видимое благочестие и скрытое под этим суеверие – вот те черты, которые Лесков воссоздает, используя вербальные, телесные и символические образы. Определенным положительным полюсом в контексте рассказа мог бы, в принципе, выступить отец Илиодор, однако его основной чертой также является косноязычие и неспособность наладить диалог со своей паствой.

Впрочем, Лесков не оставляет своих героев в полной безысходности. Писатель видит основную причину подобных особенностей русского национального характера не в природных или биологических факторах, а прежде всего, в социальных. И священник, и крестьяне – заложники безденежья и отсутствия образования. В образной форме Лесков формулирует эту идею в финале второй главы. Когда отец Илиодор спрашивает крестьян, «сможет ли село о всей этой подлости молчать?» [Лесков 1996, 1: 109], Лесков риторически заключает: «Из толпы выскочил серый мужичонка в рваном кафтанишке и, судорожно дергая себя обеими руками за ворот дырявой рубашонки, зачастил: “Бачка, за шкуру-то, за шкуру-то свою! За шкуру свою, батюшка, мир все смолчит!”. Священник посмотрел на говорящего. Он был в самом деле словно олицетворение обдерганного крестьянского мира, которому не за что постоять, кроме своей шкуры, и которому потому можно крепко верить, что он о своей шкуре не позабудет» [Лесков 1996, 1: 109].

Список литературы

- Ангелова Н.В. Русский национальный характер в трактровке Н. С. Лескова (к вопросу творческой эволюции писателя) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 4(48). С. 117–121.
- Андреева В.Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–22.
- Анисимова Н.Н. Национальный характер и национальный менталитет // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2019. № 1–2(31). С. 5–10.

Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1, 3. М.: Терра, 1996.

Лукашевич М. «Я не враг Церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Николая Лескова. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

Лученецкая-Бурдина И.Ю. Осмысление русской культурной традиции в малых жанровых формах М.Е. Салтыковым-Щедриним и Н.С. Лесковым // Традиции русской литературы и преемственность их изучения в вузовской и школьной методике. Ярославль: РИО «ЯГПУ», 2018. С. 9–30.

Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) // Социологические исследования. 2003. № 2(226). С. 45–55.

Мункуева Р.Б., Серебрякова Ю.А. Понятие национального характера // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. Т. 3. № 3. С. 32–37.

Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006. 204 с.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Федотова А.А. «За что у нас хаживали в каторгу»: криминальный сюжет в ранней прозе Н. С. Лескова // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 114–117.

References

Angelova N.V. *Russkii natsional'nyi kharakter v traktovke N.S. Leskova (k voprosu tvorcheskoi evolutsii pisatel'ia)* [Russian national character in the interpretation of N. S. Leskov (to the question of the creative evolution of the writer)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. 2007, № 4(48), pp. 117–121. (In Russ.)

Andreeva V.G. *Chelovek i problema antropotsentrizma v russkom romane vtoroi poloviny XIX v.* [Man and the problem of anthropocentrism in the Russian novel of the second half of the 19th century]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii Philological Bulletin]. 2018, № 4, pp. 13–22. (In Russ.)

Anisimova N.N. *Natsional'nyi kharakter i natsional'nyi mentalitet* [National character and national mentality]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Don State Agrarian University]. 2019, № 1–2(31), pp. 5–10. (In Russ.)

Leskov N.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 1, 3* [Complete works: in 30 vols. Vol. 1, 3]. Moscow, Terra Publ., 1996. (In Russ.)

Lukashevich M. *“Ja ne vrag Tserkvi, a ee drug... i uverennyi pravoslavnyi”*. *Tserkovnaia problematika v publitsistike Nikolaia Leskova* [“I am not an enemy of

the Church, but her friend ... and a confident Orthodox". Church problems in the journalism of Nikolai Leskov]. Warsaw, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2019. 542 p. (In Russ.)

Luchenetskaia-Burdina I.Iu. *Osmyslenie russkoi kul'turnoi traditsii v malykh zhanrovyykh formakh M.E. Saltykov-Shchedrinym i N.S. Leskovym* [Understanding the Russian cultural tradition in small genre forms M.E. Saltykov-Shchedrin and N.S. Leskov]. *Traditsii russkoi literatury i preemstvennost' ikh izucheniia v vuzovskoi i shkol'noi metodike* [Traditions of Russian literature and the continuity of their study in high school and school methods]. Iaroslavl', RIO "IaGPU" Publ, 2018, pp. 9–30. (In Russ.)

Moiseeva N.A., Sorokovikova V.I. *Mentalitet i natsional'nyi kharakter (O vybore metoda issledovaniia)* [Mentality and national character (On the choice of research method)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2003, № 2(226), pp. 45–55. (In Russ.)

Munkueva R.B., Serebriakova Iu.A. *Poniatie natsional'nogo kharaktera* [The concept of national character].

Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2018, vol. 3, № 3, pp. 32–37. (In Russ.)

Sviatopolk-Mirskii D.P. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 g.* [History of Russian literature from ancient times to 1925]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ia Publ., 2006. 204 p. (In Russ.)

Stepanov A.D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p. (In Russ.)

Fedotova A.A. "Za chto u nas khazhivali v katorgu": *kriminal'nyi siuzhet v rannei proze N.S. Leskova* ["For what we were sent to hard labor": a criminal plot in the early prose of N.S. Leskov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. 2019, № 2, pp. 114–117. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 12.05.2022.